

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ,

повествующая о том, как смышленная обезьяна узнала, кому подвластна дева-оборотень и как эта дева возвратилась к своей истинной природе

Мы остановились на том, как дева-оборотень вынесла Тан-ского монаха из пещеры.

Ша-сэн подбежал к наставнику, приветствовал его, а затем спросил:

— Где же наш старший брат, Сунь У-кун?

Чжу Ба-цзе не удержался, чтобы не съехидничать:

— У него, наверное, свои расчеты, — сказал он. — Даю голову наотрез, что он остался в пещере вместо наставника!

Но Танский монах, указывая рукой на живот девы, сказал:

— Вот он где!

Чжу Ба-цзе рассмеялся.

— Ну, Сунь У-кун мастер потрошить! Что же он там делает? Эй ты, — крикнул Чжу Ба-цзе, — вылезай скорее!

В этот момент раздался голос Сунь У-куна:

— Открой рот пошире! Сейчас вылезу!

Дева разинула рот, а Великий Мудрец, став совсем маленьким, подобрался к ее горлу и уже хотел выскочить, но побоялся, как бы дева, чего доброго, не перекусила его. Тогда он поспешно достал свой посох, дунул на него волшебным дыханием и воскликнул: «Превратись!». Посох тотчас же превратился в косточку с краями острыми, как шипы. Один край Сунь У-кун вонзил в верхнее небо девы, а сам вытянулся и одним прыжком выскочил изо рта, причем успел на лету подцепить и посох, превращенный в косточку. Очутившись на земле, Сунь У-кун принял свой обычный облик и, взмахнув своим волшебным посохом, кинулся бить деву-оборотню. Но у девы в руках неизвестно откуда появилось два меча, и она со звоном стала отбивать удары железного посоха. Противники вступили в бой прямо на вершине горы. Ну и жаркий это был бой! Вот послушайте:

Два клинка в руках у колдуньи,

Взад-вперед летая, пляшут.
Отражают все удары
Два отточенных меча.
Сунь У-кун в великом гневе
Посохом железным машет
С золотыми ободками, —
Оборотня бьет сплеча!
Сунь У-кун, рожденный небом,
Полон мести, полон гнева,
Он сражается, могучий, —
Всем воителям пример!
А рожденная землею,
Обольстительница-дева,
Оборотень и лисица,
Все ж прелестней всех гетер.
Злоба грудь им распирает.
Злоба ярость пробудила.
Каждый чары применяет,
Завоеванные встарь.
Ведьма побороть стремится
Ян — таинственную силу,
Силу Инь изгнать стремится.
Обезьян отважный Царь.
Вновь от посоха по небу
Мгла морозная клубится!
Огненную пыль взметают
Звонкие клинки мечей.
Чародей и чародейка

Оба насмерть стали биться
За наставника-монаха,
Бой кипит все горячей!
Ведь огонь с водой не могут
Никогда перемешаться.
Сила Инь не уживется
С благородной силой Ян
И святой не примирится
С черным духом святотатца,
И не пощадит колдунью
Царь могучий обезьян.
Два меча в пылу сраженья
С грозным посохом встречались.
Два врага в дыму сражались
В вихре гибельной борьбы.
Тучи пламенем венчались,
Горы гнулись и качались,
Бури огненные мчались,
Наземь рушились дубы!

Чжу Ба-цзе смотрел, смотрел, как Сунь У-кун сражается с девой-оборотнем, и, наконец, стал ворчать.

— Братец! — сказал он Ша-сэну. — Чего же это Сунь У-кун дурака валяет? Ведь только что он был в брюхе у ведьмы, что стоило ему пустить в ход кулаки, порвать ей внутренности, пробить живот и вылезти наружу, — тогда с этой чертовкой было бы покончено! А он зачем-то вылез через рот и вступил с ней в бой, — вот теперь она ему покажет.

— А ты ведь прав! — отозвался Ша-сэн. — Но как бы там ни было, спасением наставника мы обязаны старшему брату. Давай поможем ему, возьмем наше оружие и разделаемся с ведьмой, а наставника попросим пока посидеть в сторонке.

— Да что ты! Нет, нет, нет! — замахал руками Чжу Ба-цзе. — Знаешь, какие у ведьмы чары?

Нам с ней не справиться.

— С чего это ты взял? — возразил Ша-сэн. — Если даже мы и не справимся, то все же поможем брату. Ведь это наше общее дело.

Дурень встрепенулся, схватил грабли и крикнул:

— Ну, пошли!

Ни слова не сказав наставнику, они вскочили на облако и помчались, — один с граблями, другой с волшебным посохом, — и принялись колотить деву-оборотня. Между тем дева уже утомилась и, когда увидела еще двоих противников, поняла, что ей не устоять. Она быстро повернулась и бросилась бежать. Сунь У-кун закричал:

— Братцы! Держи ее!

Но когда те стали настигать деву, она вдруг сбросила с правой ноги башмачок, дунула на него своим волшебным дыханием, произнесла заклинание и промолвила: «Превратись!». Башмачок тут же принял облик девы, которая так же ловко размахивала двумя мечами. Сама же она вдруг скрылась из глаз, превратилась в легкий ветерок и понеслась обратно. Ей и на этот раз не удалось одолеть монахов. Пора бы ей, казалось, подумать о спасении своей жизни, а между тем вышло иначе. Видно, зловещая звезда не покидала несчастного Танского монаха! Подлетев к арке у отверстия, служившего входом в пещеру, ведьма увидела Сюань-цзана, подлетела к нему и потащила с собой. Попутно она подцепила и поклажу, перекусила зубами поводья, которыми был привязан конь, и его тоже увела с собой. Здесь мы пока и оставим ее.

Тем временем Чжу Ба-цзе изловчился и изо всех сил хватил граблями деву-оборотня. Но, увы! На ее месте теперь лежал расшитый башмачок.

— Эх вы, дурачье! — вскричал Сунь У-кун, глядя на башмачок. — Вам бы надо было сторожить наставника! Кто вас звал сюда?! Что вы натворили?

— Ну что, Ша-сэн? — торжествующе сказал Чжу Ба-цзе. — Говорил я, что не надо соваться! На эту обезьяну никогда не угодишь! Мы помогли ему расправиться с оборотнем, а он еще ругается!

— Хороша помощь! — воскликнул Сунь У-кун с досадой. — Эта ведьма сыграла точно такую же шутку еще вчера, когда я бился с ней, и я попался на ее удочку. Не знаю, что там с наставником, ведь вы оставили его одного. Давайте поспешим к нему! Все трое помчались обратно, но учителя и след простыл. Вместе с ним пропали поклажа и белый конь.

Чжу Ба-цзе заметался из стороны в сторону. Ша-сэн бегал за ним и всюду искал наставника. Великий Мудрец Сунь У-кун тоже был взволнован и раздосадован. Вдруг он заметил обрывок

поводьев на краю дороги. Он поднял его, и слезы неудержимым потоком хлынули из его глаз.

— О наставник! — громко зарыдал он. — Когда я уходил, были здесь и всадник и конь, а вернулся — нашел лишь обрывки поводьев!

Получилось так, как сказано в одном стихотворении:

Я коня вспоминаю,

Лишь только увижу седло.

О любимой рыдаю —

Оттого на душе тяжело!

Неожиданно Чжу Ба-цзе захохотал.

— Ну и негодяй же ты! — возмутился Сунь У-кун. — Опять небось вздумал отправиться к своим родственникам?

Продолжая смеяться, Чжу Ба-цзе стал объяснять.

— Не в этом дело, братец! — проговорил он. — Я уверен, что ведьма опять уволокла наставника в свою пещеру. Мне вспомнилась поговорка: «Нет дела, которое бы не вышло на третий раз». Ты уже два раза побывал в пещере, придется и в третий раз пролезть туда. И я ручаюсь, что теперь тебя ждет удача.

Сунь У-кун вытер слезы.

— Что поделаешь? — вздохнул он. — Сейчас не время думать о себе. Придется снова лезть в пещеру. Теперь нет ни поклажи, ни коня, и всем нужно будет охранять лишь выход из пещеры.

Великий Мудрец тут же повернулся и прыгнул через отверстие вниз. Ну и молодец! На этот раз он решил появиться в пещере в своем первоначальном облике.

Вот послушайте:

Он с малолетства

Выглядел чудно:

Глаза, как щелки,

Обезьяньи щеки,

Но было с детских лет
Ему дано
Возвышенное сердце,
Ум глубокий.
Глаза сверкают
Золотым огнем.
Лоб разделен
Широкой седловиной.
Он весь покрыт
Колючею щетиной,
Как будто иглы
Выросли на нем.
Пугает недруга
Его наряд:
На бедрах
Юбка из тигровой шкуры,
На поясе
Сверкают и гремят
Подвески,
Амулеты и фигуры.
Когда в лазурь
Взмывает он легко,
Туманы тают
И редют тучи,
А лишь нырнет он
В море глубоко,
Как сотни волн
Вздымаются все круче.

И он привык
Держать двумя руками,
Разя врага,
Кидаясь в грозный бой,
Железный,
С золотыми ободками,
Губительный,
Всесильный посох свой.
Во всеоружье
Сил своих чудесных
С князьями высших сфер
Он начал воевать.
И он один погнал
Великую их рать —
Сто восемь тысяч
Воевод небесных!
Но Буддою святым
Обузданный воитель,
Тогда-то получил он
Наконец
Высокий чин:
«Возвышенный мудрец,
Всех обезьяньих царств
Правитель и властитель».
Храня наставника
На западном пути,
Он вместе с ним
Стремится обрести

Святые книги —

Клад старинной веры,

И он на облаке

Слетел на дно пещеры,

Чтоб Сюань-цзана

От беды спасти.

Покинув облако, Сунь У-кун прыгнул прямо к тому месту, где было жилье девы-оборотня. Входные ворота, однако, оказались запертыми, и Сунь У-кун разнес их своим посохом. Теперь путь был свободен. Сунь У-кун огляделся. Вокруг было тихо и безлюдно. На восточной веранде тоже никого не было. Из цветочной беседки исчезли куда-то все столы и стулья, а также разная утварь и безделушки.

Как вы помните, пещера занимала по окружности более трехсот ли, и у оборотня здесь было видимо-невидимо всяких потайных логовищ. Когда дева-оборотень в первый раз похитила Танского монаха, она доставила его на это место. Теперь же, опасаясь как бы Сунь У-кун вновь не отыскал его, она сразу же переселилась, но куда — этого Великий Мудрец не знал. От досады и негодования он стал топтать ногами и колотить себя в грудь.

— Наставник! Откликнись! — закричал он во всю глотку.

Никто не отзывался.

— Бедный мой учитель, что за несчастная твоя судьба, видно, на беду свою отправился ты за священными книгами! Почему ты не откликаешься? Где же мне искать тебя?

Сунь У-кун уже потерял всякую надежду и впал в отчаяние, но в этот момент до него донесся легкий аромат. Сунь У-куна сразу же осенило: «Видно, там кто-то есть», — подумал он, оглянувшись.

Он быстро повернул назад, держа посох наготове. Но всюду было тихо и спокойно. Неожиданно внимание его привлекла постройка из трех комнат, обращенных на север. Внутри стоял лакированный столик с украшением в виде дракона с разинутой пастью, предназначенный для жертвоприношений. На столике была золотая курильница, из которой шел ароматный дым. На стене висела табличка с золотыми иероглифами. Вот что на ней было написано: «Место для почтенного отца небесного князя Ли!». Немного пониже стояла другая табличка с надписью: «Место для уважаемого старшего брата Ночжа».

Увидев таблички, Сунь У-кун очень обрадовался, не стал больше искать ни деву-оборотня, ни Танского монаха, превратил свой посох в иголку, засунул ее в ухо, взял в обе руки таблички и курильницу, вернулся к своему облачку и направился прямо к выходу. Подлетев к отверстию,

служившему выходом из пещеры, он стал смеяться.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, услышав голос Сунь У-куна, освободили проход в отверстии.

— Ты чего радуешься, братец? — спросили они в один голос. — Уж не выручил ли ты наставника из беды?

— А нам и незачем его спасать! — отвечал Сунь У-кун. — Потребуем его у этой таблички.

— Братец! Ведь табличка не оборотень, — удивился Чжу Ба-цзе, — она даже говорить не умеет. Как же можно требовать, чтобы она вернула нам наставника?

Сунь У-кун положил табличку на землю.

— Ты прочти — сказал он.

Ша-сэн подошел поближе и стал читать: «Место для достойного отца небесного князя Ли», «Место для уважаемого старшего брата Ночжа».

— Что это значит? — спросил он: — Не понимаю!

— А вот что! На табличках написаны имена тех, кому дева-оборотень приносит жертвы, — пояснил Сунь У-кун. — Когда я проник в ее жилье, — продолжал он, — там никого не оказалось, исчезла даже вся утварь, и я обнаружил только эти таблички. Уверен, что дева-оборотень — дочь небесного князя Ли и младшая сестра его сына Ночжа. Она, видимо, задумала спуститься на грешную землю, превратилась в оборотня и похитила нашего наставника. К кому же обращаться за помощью, какие к небесному князю и его сыну? Вы пока побудьте здесь и покараульте у входа, а я возьму эти таблички, отправлюсь в небесные чертоги к Нефритовому императору и подам ему жалобу, пусть велит небесному князю и его сыну вернуть нам наставника.

— Братец! Пстой! — сказал Чжу Ба-цзе — Знаешь пословицу: «Кто желает смерти ближнему, тот сам ее не избежит». Нужно, чтобы жалоба была справедлива, тем более что подаешь ты ее самому императору. Тут уж никак нельзя быть неосмотрительным! Ну-ка, скажи мне, что собираешься изложить в жалобе?

— Я знаю, что сказать, — отвечал Великий Мудрец, — впервых, я покажу эти таблички и курильницу в качестве вещественных улик, а кроме того, подам еще и письменную жалобу.

— Что же ты там пишешь? — нетерпеливо спросил Чжу Ба-цзе. — Прочти!

Сунь У-кун стал читать:

— «Податель сей жалобы Сунь У-кун. Возраст указан в родословной книге, ныне ученик и последователь Танского монаха по прозвищу «Трипитака», который по повелению Танского императора направляется к Будде за священными книгами. Жалоба по делу о похищении человека оборотнем. Ныне, по недосмотру небесного князя Ли, по имени Цзин, а по прозвищу То-та, и его наследного сына по имени Ночжа, из их хором сбежала родная дочь, каковая превратилась в злого оборотня и поселилась в пещере под названием Бездонная, что на горе Провал в пустоту, находящейся на грешной земле. Она уже успела завлечь и погубить несметное число людей. Совсем недавно она похитила моего наставника и упрятала в свое логово, которое никак нельзя найти. Мне не хотелось бы подавать сию жалобу, но, опасаясь, что отец и брат не проявят человечности и дадут сей деве, которая является их дочерью и сестрой, продолжать творить зло и причинять пагубу всем людям, я вынужден это сделать.

Покорно прошу явить сострадание, приказать привести их на суд, повелеть им прибрать к рукам оборотня, спасти моего наставника и определить справедливое наказание за совершенные преступления, что будет великим благодеянием. По сему делу подаю жалобу верховному владыке».

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн внимательно выслушали Сунь У-куна и очень обрадовались.

— Братец! Жалоба твоя вполне справедлива, — сказали они, — и ты безусловно выиграешь тяжбу. Но только не медли и поскорей возвращайся, не то эта ведьма что-нибудь натворит с нашим наставником и погубит его.

— Я мигом! — весело ответил Сунь У-кун. — Самое большее — пока рис разварится, а то и скорее — пока чайник вскипит!

Молодец Сунь У-кун! Держа в руке таблички и курильницу, он поднатужился и вскочил на благодатное облачко, которое доставило его прямо к Южным небесным воротам. Как раз в это время там оказались небесный князь Великой силы и небесный князь Хранитель государства, которые, завидев Сунь У-куна, изогнулись в три погибели и, конечно, не посмели задержать его. Сунь У-кун направился прямо в зал Правосудия. Там его с почтительным поклоном приветствовали великие небесные наставники: Чжан Лао-лин, Гэ Сюань, Сюй Чжэнь-цзюнь и Цю Чу-цзи.

— Зачем пожаловал, Великий Мудрец? — спросили они.

— Принес письменную жалобу, — отвечал Сунь У-кун.

Небесные наставники перепугались и стали переговариваться между собой:

— На кого же из нас вздумал жаловаться этот бездельник?

Но делать было нечего, и им пришлось ввести его в зал Чудотворного неба и доложить о нем. Сразу же последовало высочайшее повеление подвести Сунь У-куна к трону верховного Владыки.

Сунь У-кун положил рядом с собой таблички и курильницу, обратился лицом к Нефритовому императору и совершил положенные поклоны, после чего и подал жалобу. Небесный наставник Гэ Сюань принял жалобу, развернул ее и положил на столик перед Владыкой. Нефритовый император прочел жалобу от начала до конца и, уяснив, в чем дело, начертал на этой же бумаге свое повеление, чтобы немедленно послать духа Долголетия к небесному князю Ли, пребывающему во дворце Облачные хоромы, и велеть ему явиться на суд!

Тут Сунь У-кун выступил вперед.

— О великий Владыка! — сказал он. — Прошу тебя постороже наказать виновных, иначе они еще чего-нибудь сотворят.

— Пусть истец отправится вместе с посланцем! — повелел Нефритовый император в ответ на просьбу Сунь У-куна.

— Как, и мне тоже идти? — изумился Сунь У-кун.

— Раз Владыка приказал, значит ты должен отправиться вместе с духом Долголетия, — отвечали четыре небесных наставника.

Сунь У-кун так и сделал и, вскочив на облако, последовал за духом. Вскоре они прибыли ко дворцу Облачные хоромы. Это было постоянное жилье небесного князя Ли. Отрок, стоявший у входа во дворец, узнал духа Долголетия и побежал докладывать о нем:

— Дух Долголетия изволил пожаловать! — возвестил он.

Небесный князь тотчас же вышел встречать гостя. И когда увидел, что прибывший держит в руках бумагу от Нефритового императора, велел немедленно воскурить фимиам. Повернувшись снова лицом к гостю, он заметил Сунь У-куна, который следовал позади. Чувство гнева сразу же охватило небесного князя. И почему бы, вы думали, он разгневался? А вот почему. Еще когда Великий Мудрец Сунь У-кун учинил буйство в небесных чертогах, Нефритовый император назначил небесного князя главным предводителем небесного войска, а его сына Ночжа — духом-правителем в Саньтань и Хайхуэй. Оба они повели тогда небесное войско, чтобы усмирить Сунь У-куна. Произошло несколько сражений, но победы они не смогли одержать. Хотя и прошло с тех пор пятьсот лет, а чувство злобы и мести еще не покинуло небесного князя, вот почему при виде Сунь У-куна гнев охватил его. Однако любопытство взяло верх, поэтому он не сдержался и спросил:

— Почтенный дух! Какой же высочайший указ доставил ты мне?

— Указ, начертанный на жалобе Великого Мудреца Сунь У-куна, которую он подал на тебя! — отвечал дух звезды Долголетия.

Небесный князь и без того был зол, а тут, услышав слово «жалоба», заорал громовым голосом:

— Что за жалобу он подал на меня?

— Он обвиняет тебя в том, что ты вскормил оборотня, который похищает и губит людей. Ты лучше воскури фимиам и прочти, пожалуйста, сам, что написано, — посоветовал дух Долголетия.

Тяжело дыша, разгневанный князь возжег фимиам, обратил лицо к небу и поблагодарил за монаршью милость. Затем он распечатал бумагу, прочел указ и от негодования стукнул кулаком по жертвенному столику.

— Этакая обезьянья морда! — вскричал князь. — Ведь все это одна клевета!

— Смири свой гнев! — остановил его дух звезды Долголетия, — У него есть вещественные улики, которые он представил владыке: таблички с твоим именем и именем сына и курильница. Он утверждает, что дева-оборотень — твоя родная дочь!

— У меня есть три сына и одна дочь! — сказал небесный князь. — Старшего сына зовут Цзиньча. Он прислуживает самому Будде Татагате и состоит в должности хранителя веры передней палаты. Второго сына зовут Муча. Он находится у Южного моря и является учеником бодисатвы Гуаньинь. Третьего сына зовут Ночжа. Он находится при мне и всюду сопровождает меня. Дочери же всего семь лет, зовут ее Чжэнь-ин. Она еще ничего не смыслит в людских делах, как же может она быть оборотнем?! Если не веришь, я сейчас вынесу ее и покажу! Ну и наглая же обезьяна! Клеветать нельзя даже на простых смертных, живущих на грешной земле, а не то что на меня, главного из всех небожителей, которому предоставлено право сперва казнить, а потом докладывать! В законе сказано: «За клевету взыскивать втрое»!

И он тут же кликнул своих подчиненных:

— Несите сюда веревки для связывания оборотней и свяжите эту обезьянью морду! — распорядился он.

Стоявшие в ряд у самого входа духи — Цзюйлин, Юйду и Яоча — сразу же накинулись на Сунь У-куна и связали его.

— Смотри, небесный князь, не навлеки на себя беду! — предупредил встревоженный дух звезды Долголетия. — Я явился с ним сюда по высочайшему повелению в качестве посланца, чтобы вызвать тебя на суд. А твои путы так тяжелы, что того и гляди он задохнется. Что тогда будет?

— О дух звезды Долголетия! — едва сдерживая себя, ответил небесный князь. — Да разве можно терпеть между нами подобного клеветника?! Ты пока что посиди здесь, а я тем

временем схожу за тесаком, которым срубают головы оборотням, и зарублю эту мерзкую обезьянью морду! После этого мы с тобой вместе отправимся к Владыке, и я дам ответ!

Дух звезды Долголетия от этих слов еще больше перепугался.

— Как же это ты так просчитался? — обратился он к Сунь У-куну, когда они остались вдвоем. — Разве можно было столь неосмотрительно подать жалобу на высочайшее имя? Ты даже не проверил, как обстоит дело, и наобум затеял тяжбу. Что, если тебе придется за это поплатиться жизнью?

Но Сунь У-кун не выказывал ни малейшего страха.

— Успокойся, почтенный! — посмеивался он. — Ничего не случится! У меня всегда так бывает, сперва проигрываю, а под конец выигрываю!

Не успел он закончить, как вошел небесный князь с тесаком в руке. Подойдя к Сунь У-куну, он замахнулся, чтобы срубить ему голову, но тут подоспел его сын Ночжа и отвел удар своим ятаганом.

— Отец! — вскричал он. — Смири свой гнев!

Небесный князь от испуга даже побледнел.

Казалось бы, отец должен прикрикнуть на сына, посмея шего вмешаться и отвести его удар. Однако получилось наоборот. Отец побелел от страха! А дело было вот в чем. Когда Ночжа родился, на его левой ладони был знак, который читается «но», а на правой «чжа», поэтому князь и назвал его «Ночжа». На третье утро мальчик бросился в море, чтобы обмыться, и навлек беду: опрокинул ногами хрустальный дворец дракона, поймал самого дракона и хотел вытянуть из него жилы для шнура. Небесный князь узнал об этом и, опасаясь тяжких последствий, хотел убить мальчика. Ночжа разгневался на отца, взял нож, отрезал у себя мясо и отдал матери, в знак того, что возвращает ей то, что она породила, а затем кости отдал отцу. Вернув родителям мясо и кости, он унесся душой на Запад, в райскую обитель Будды, жаловаться ему. Как раз в это время Будда читал священные книги всем собравшимся возле него бодисатвам. Вдруг он услышал, что над роскошным балдахином с хоругвями кто-то кричит истошным голосом: «Спасите!» Будда взглянул своим всевидящим оком и увидел там душу Ночжи. Он сразу же сотворил ему кости из зеленого корня лотоса, а из листьев сделал тело, после чего прочел заклинание — тарни, возвращающее жизнь мертвым, и Ночжа ожил. С помощью божественной силы он покорил злых духов и дьяволов обитателей девяноста шести пещер и стал обладателем великих чар. Впоследствии он задумал убить небесного князя, чтобы отомстить ему. Небесный князь обратился с жалобой к Будде Татагате. Будда, который ставил превыше всего согласие и любовь, подарил небесному князю ажурную золотую пагоду тончайшей работы, в которой покоились частички пепла Будды. На каждом ярусе этой пагоды были выточены фигурки разных Будд, и вся она сверкала и блестела. Затем Будда позвал Ночжа и велел ему считать небесного князя своим отцом. Таким путем ему удалось прекратить вражду и обиду. Вот почему небесного князя Ли прозвали То-та, что значит «поддерживающий

пагоду». В этот день небесный князь не был занят, находился у себя дома, не держал пагоды в руке, а потому и перепугался, опасаясь, что Ночжа вздумает мстить ему. Он быстро обернулся и взял в руки пагоду.

— Сын мой! — ласково промолвил он. — Зачем ты отвел мой удар и не дал убить обезьяну?

Ночжа отбросил ятаган, совершил земной поклон перед небесным князем и сказал:

— Отец мой, князь! У тебя действительно есть дочь, которая находится на грешной земле.

— Сын мой! — стараясь быть спокойным, возразил князь. — У меня только четверо детей. Откуда же взялась еще какая-то дочь?

— Ты забыл, отец, — отвечал Ночжа. — Это дочь не родная. Триста лет тому назад, на горе Линшань она съела у Будды Татагаты его драгоценную свечу, и Будда велел нам с тобой взять с собой небесных воинов и схватить ее. Ее бы следовало тогда же прикончить, но Будда Татагата велел ее пощадить и сказал: «Если рыб ты разводишь в пруду и сохраняешь им жизнь, если кормишь оленей в горах, в награду получишь ты долгую жизнь!». За твою милость дева-оборотень поклонилась тебе и назвала тебя своим отцом, а меня своим старшим братом. Там внизу, на земле, она установила в честь тебя и меня две таблички и курильницу, в которой возжигает нам фимиам. Не ожидали мы с тобой, что она снова примется творить зло! Она похитила Танского монаха, чтобы погубить его. Однако Сунь У-кун разыскал пещеру, принес оттуда таблички и подал на нас жалобу верховному Владыке.

— Сын мой! А я ведь действительно совсем забыл о ней! — с ужасом и изумлением произнес небесный князь. — Как же ее зовут?

— У нее три имени, — ответил наследник, — одно имя, данное ей там, где она появилась: Крыса с белой шерстью и железным рылом. Когда она украдкой сгрызла драгоценную свечу Будды, ее стали называть полубодисатва Гуаньинь. Когда же ее пощадили и отпустили в низшую сферу грешной земли, там она опять переменила имя и теперь называет себя госпожа Взрыхлительница земли.

Небесный князь теперь только все вспомнил, отложил пагоду и бросился развязывать Сунь У-куна. Но тот заупрямился.

— Как ты смеешь развязывать меня! Я хочу в веревках предстать перед верховным Владыкой, тогда только выиграю свою тяжбу!

Небесный князь пришел в ужасное смятение, и у него даже руки обмякли. Наследник молчал, а вся челядь и подручные князя поспешили улизнуть.

Между тем Великий Мудрец Сунь У-кун стал кататься по земле и требовать, чтобы небесный

князь немедленно отправился на суд. Небесный князь ничего не мог придумать и стал умолять духа звезды Долголетия, чтобы тот уговорил Сунь У-куна пожалеть его. Но дух звезды Долголетия не соглашался.

— Ты же знаешь поговорку, которую сложили еще в древние времена: «Будь великодушен во всех делах!». Уж очень ты круто поступил: велел связать его, да еще сам хотел зарубить. Эта обезьяна прославилась своей наглостью. Чего же ты теперь от меня хочешь? Что я могу с ней сделать? Твой сын подтверждает, что дева-оборотень приходится тебе дочерью, пусть не родной. И как бы ты ни отговаривался, тебе все равно не уйти от наказания.

— Почтеннейший дух! — взмолился небесный князь. — Что же мне делать, чтобы снять с себя вину?

— Я бы и сам рад помирить вас, но не знаю, как приступить! — отвечал дух звезды Долголетия.

— А ты расскажи ему, как было дело, когда его призвали в небесные чертоги и пожаловали ему звание бимавэнь, — посоветовал князь.

Дух подошел к Сунь У-куну и стал гладить его рукой.

— Великий Мудрец, — заговорил он примирительным тоном, — ради меня, дозвожь развязать тебя, и мы отправимся к верховному Владыке.

— Нет, дорогой мой! Не надо развязывать! — решительно сказал Сунь У-кун. — Я могу перекачаться и сам доберусь.

— Ишь ты, какая безжалостная обезьяна! — засмеялся дух. — Когда-то я тебе оказал немалую услугу, а теперь ты не хочешь исполнить даже такую пустячную просьбу.

— Какую же услугу ты оказал мне? — спросил Сунь У-кун.

— А помнишь, в том году, когда ты жил на горе Цветов и плодов, укрощал тигров, покорял драконов и вычеркнул свое имя из книги Смерти, собрал толпу бесов-оборотней и натворил всякие безобразия, Владыка неба хотел тогда же схватить тебя. Ведь это я умолил его призвать тебя на небо и пожаловать тебе чин конюшего со званием бимавэнь. А ты выпил священного вина у Нефритового императора и стал буянить. Тебя еще раз призвали, опять-таки по моей просьбе, и пожаловали тебя званием «Великий Мудрец, равный небу». Но ты не угомонился, снова набедокурил, украл персики, тайком выпил вино, своровал у Лао-цзюня пилули бессмертия и стал бессмертным. Если бы не я, разве ходил бы ты сейчас на свободе?

— Есть хорошая древняя пословица, — сказал Сунь У-кун: — «Не попадай, когда помрешь, в одну могилу со стариком». Ишь как ловко ты меня поддел! Я, собственно говоря, ничего

особенного и не вытворял, только когда был назначен конюшим, побуянил немного в небесных чертогах — больше ничего! Ну ладно! Так и быть, согласен только из уважения к тебе, но пусть он сам меня развязывает!

Небесный князь робко приблизился к Великому Мудрецу, снял веревки, предложил ему одеться и пригласил занять почетное место, а затем сам он и все его приближенные поклонились Сунь У-куну.

Обернувшись лицом к духу звезды Долголетия, Сунь У-кун сказал:

— Ну что, говорил я тебе, что сперва проигрываю, а после выигрываю, так уж у меня и идет моя «торговля». Поторопи его скорей собираться на суд; не проворонить бы мне моего учителя!

— Не спеши! — ответил дух Долголетия. — После всего, что произошло, не худо бы выпить чашечку чаю!

— Ах вот как! — холодно оборвал его Сунь У-кун. — Ты хочешь с ним чаевничать, получить от него взятку, продаться преступнику и выпустить его! Да знаешь ли, какое положено наказание за неуважение к высочайшему указу?

— Не буду чай пить! Не буду! — перебил дух разошедшегося Сунь У-куна. — Уж ты готов и меня в это дело впутать.

Обратившись к небесному князю, он твердо произнес:

— Ну, князь, скорей собирайся и идем!

Но небесный князь боялся идти на суд. А вдруг Сунь У-кун начнет нести про него разные небылицы, будет грубить? Как с ним тягаться, с таким болтуном? Вновь пришлось князю обращаться к духу и умолять его, чтобы он замолвил за него словечко.

— Я хочу сказать тебе еще одно слово, — сказал дух Долголетия, повернувшись к Сунь У-куну, — только обещаю тебе, что исполнишь мою просьбу, идет?

— Я и так ради тебя простил ему и тесак и веревки, — ответил Сунь У-кун, — чего же ты еще хочешь? Говори прямо! Если скажешь складно, то пусть будет по-твоему, а нет, так уж не взыщи!

— Ну что ж! — вздохнул дух. — Недаром говорят: «Один день суда, десять дней побоев!». Ты написал в своей жалобе, что дева-оборотень является дочерью небесного князя, а он говорит, что это неправда. Вот вы и будете препираться друг с другом перед тронем верховного Владыки, один будет говорить одно, а другой — другое. Я знаю, что один день на небе равен

целому году в низшей сфере на грешной земле. За этот срок дева-оборотень успеет не только породниться с твоим наставником, но и народить маленького монашка. Таким образом, великое дело, которое должен выполнить твой наставник...

Сунь У-кун опустил голову и погрузился в раздумье: «А ведь он прав! Я обещал Чжу Ба-цзе и Ша-сэну, когда расставался с ними, что вернусь, пока успеет свариться рис, а то и скорее, пока вскипит чайник. А сколько времени я здесь скандалю!».

— Начальник, как же быть с высочайшим указом? — спросил он, колеблясь.

— Пусть небесный князь Ли соберет свое войско и отправится с тобой вместе на грешную землю укротить оборотня, а я пойду с ответом, — предложил дух звезды Долголетия.

— Что же ты скажешь Нефритовому императору? — спросил Сунь У-кун.

— Скажу, что истец сбежал, — улыбнулся дух, — тогда и ответчика оставят в покое.

— Вот это здорово! — зло засмеялся Сунь У-кун. — Я ради тебя пошел на уступки, а ты за это хочешь оговорить меня! Вели ему собирать свое войско и пусть ждет меня за Южными небесными воротами. А мы с тобой, не теряя времени, отправимся к Владыке и дадим ему ответ.

Небесный князь испугался.

— Если он пойдет, то может наговорить, что я нарушил приказ Владыки.

— За кого же ты меня принимаешь? — крикнул Сунь У-кун, сверкнув глазами на небесного князя. — Знай, что я настоящий муж! Дал слово, значит сдержу его. Неужели я стану чернить тебя?!

Небесный князь тут же принялся благодарить Сунь У-куна, а Великий Мудрец вместе с духом отправился к Нефритовому императору.

Тем временем небесный князь отобрал лучших своих воинов и направился с ними прямо за Южные небесные ворота.

А дух звезды Долголетия вместе с Сунь У-куном предстали перед Нефритовым императором и стали докладывать ему:

— Губительницей Танского монаха оказалась дева — она же оборотень крысы с белой шерстью и железным рылом. В табличках она ложно назвала небесного князя и его сына своим отцом и братом. Узнав об этом, небесный князь собрал свое войско и отправился на землю, чтобы

схватить ее. Умоляем тебя, достопочтенный Владыка неба, простить его и помиловать.

Нефритовый император уже знал обо всем, что произошло, и, проявив великую монаршью милость, повелел прекратить дело.

Сунь У-кун тотчас же помчался на своем лучистом облачке к Южным небесным воротам. Там он увидел небесного князя, его наследника и воинов, которые пребывали в ожидании. До чего же были хороши эти воины и их начальник! Словно вихрь, вздымая облака и туманы, они кинулись встречать Великого Мудреца Сунь У-куна, а затем все как один устремились на облаке на землю и вскоре оказались на горе Провал в пустоту.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн проглядели все глаза, дожидаясь Сунь У-куна, и, наконец, увидели небесное воинство, приближавшееся к ним вместе с Сунь У-куном. Дурень бросился навстречу небесному князю и приветствовал его вежливыми поклонами.

— Прости за беспокойство! — повторял он с виноватым видом.

— Дорогой мой полководец звезды Тянь-пэн! — смущенно ответил небесный князь. — Ты, очевидно, не знаешь, что эта дева-оборотень провела нас обоих, меня и сына, воскурив перед нами свечи и назвав меня своим отцом, а его — своим братом. Сейчас она дошла до такой наглости, что заперла у себя твоего наставника. Прошу не пенять, что мы немного задержались... Скажи, пожалуйста, эта ли гора называется Провал в пустоту? Где здесь ворота в пещеру и в какую сторону они открываются?

— Эта дорога теперь мне хорошо знакома, — вмешался Сунь У-кун. — Тут находится пещера, которая называется Бездонной. В окружности она имеет более трехсот ли. В ней ведьма устроила себе тьму-тьмущую логовищ. В прошлый раз наставник находился в том месте, где стоят узорчатые ворота, с которых двумя каскадами стекает вода, а теперь там совсем тихо и пусто, нет ни одного оборотня. Не знаю, куда она переселилась.

— Как ни хитри, куда ни прячься, а от небесных сетей и земных силков никуда не денешься! — важно произнес небесный князь. — Идемте к вратам пещеры, а там посмотрим, что делать. Все тронулись в путь. Они прошли более десяти ли и, наконец, очутились у огромной скалы.

— Вот здесь! — воскликнул Сунь У-кун, указывая рукой на отверстие, напоминавшее отверстие чана.

— Как же достать тигренка, не входя в логово тигра? — шутливо спросил небесный князь. — А ну, кто из вас отважится полезть первым?

— Я! — воскликнул Сунь У-кун.

— Мне поручено истреблять всех оборотней, — сказал Ночжа, — поэтому я должен быть

первым!

Дурень Чжу Ба-цзе стал проталкиваться вперед:

— Головным все же должен быть я, старый Чжу Ба-цзе! — заорал он.

— Не шумите! — строго произнес небесный князь. — Слушайте меня: пусть Великий Мудрец Сунь У-кун и мой сын Ночжа спустятся с воинами, а мы втроем останемся сторожить у входа и будем, как сказано в военных книгах: «Действовать согласованно изнутри и извне!» Вот тогда у оборотня не окажется никакого выхода: ни вверх, ни вниз,— тут-то мы ей и покажем.

Присутствующие все разом, по-военному, ответили одним только словом: «Есть!».

Представьте себе, словно струя воды, в отверстие устремились Сунь У-кун, за ним наследник Ночжа и все небесные воины! Там они вскочили на лучистые облака и стали плавно опускаться вниз, с восхищением разглядывая пещеру. Она и в самом деле была красоты удивительной:

Там такое же солнце сияет

В обычные сроки,

И луна по ночам

Озаряет просторы земли.

Расстилаются реки,

Журчат и сверкают потоки,

И высокие горы

Рядами синеют вдали.

И ручей по жемчужному дну,

Извиваясь, несется.

Все восторг вызывает,

И сердце пленяет, и взор,

И над гладью пруда,

И над яшмовой гладью колодца

Поднимается радужный пар,

Улетая в простор.

Сколько пестрых дворцов!

Как узорные башни красивы!

За стеной ярко-красных оград

Зеленеют сады.

Здесь весною цветут тополя,

Распускаются ивы,

Ближе к осени

Лотосы блещут над гладью воды.

Как в небесной стране,

Все изящества полно и меры.

На земле

Ты не часто увидишь такие пещеры!

Вскоре войско прибыло к прежнему жилью девы-оборотня и задержало над ним лучистые облака. Все устремились через ворота на поиски. То тут то там раздавались крики воинов, которые разбрелись по всей пещере. Они истоптали всю траву, обошли все триста ли, но нигде не обнаружили ни оборотня, ни Танского монаха. Многие стали говорить: «Наверное, эта скотина уже давно сбежала из пещеры и находится где-то очень далеко!». Никто не догадывался, что в юго-восточной части пещеры, в темном углу, на самой глубине, была еще одна совсем маленькая пещера. В нее вели ворота, внутри была небольшая комнатка, где стояло несколько горшков с цветами, а перед крылечком рос бамбук. Внутри было мрачно и сыро. На этот раз дева-оборотень затащила Танского монаха именно сюда и вынуждала его к сожителству с ней, уверяя, что Сунь У-кун больше никогда не разыщет его. Однако, кто знал, что ей не суждено было соединиться с Танским монахом? Случилось так, что среди ее маленьких бесенят, которые сидели в пещере, сбившись в кучу, и скулили, нашелся один похрабрее. Он высунул голову и стал выглядывать из пещеры, а в это время проходил мимо воин и наткнулся на бесенка. «Здесь!» — закричал он. Тут Сунь У-кун, разъярившись, вооружился своим железным посохом с золотыми обручами и одним прыжком ворвался в пещеру, где собрались все бесенята. Наследник Ночжа сейчас же напустил на них небесных воинов. Деваться бесенятам было некуда.

Сунь У-кун нашел Танского монаха, коня-дракона и всю поклажу. Дева-оборотень тоже оказалась там. Бежать было некуда, и она кинулась в ноги наследнику Ночжа, отбивая земные поклоны и умоляя сохранить ей жизнь.

— Я не по своему желанию явился сюда, а по повелению Нефритового императора!—ответил ей наследник Ночжа. — Мы с отцом сжалились над тобой, когда ты сгрызла свечу у Будды Татагаты. Что же получилось? Разве построишь храм, если монахи растаскивают бревна?

Тут он издал громкий возглас, и перед ним предстал один из небесных воинов.

— Достаньте веревки для связывания оборотней! — приказал ему Ночжа. — Пусть всех бесов свяжут.

Дева-оборотень тоже не избежала этой горькой участи. Затем все вернулись к своим лучистым облакам и на них вылетели из пещеры. Сунь У-кун от радости все время хихикал. Небесный князь освободил проход в устье пещеры и встретил Сунь У-куна такими словами:

— Поздравляю! На этот раз тебе удалось все же встретиться со своим учителем!

— Премного тебе благодарен! — радостно ответил Сунь У-кун и подвел к нему Танского монаха, который тоже низкими поклонами выразил благодарность небесному князю и его сыну Ночжа.

Ша-сэн и Чжу Ба-цзе хотели тут же убить деву-оборотня, но небесный князь удержал их.

— Она взята под стражу по указу Нефритового императора, и никто не вправе изменить его, — торжественно произнес он. — Мы должны доставить ее к Владыке и доложить об исполнении его повеления.

Тут небесный князь со своим наследником во главе небесного войска, взявшего под конвой связанных оборотней, отправились на небо, чтобы ждать там окончательного решения. Сунь У-кун взял под свою защиту Танского монаха, Ша-сэн собрал поклажу, Чжу Ба-цзе взнуздал коня и предложил наставнику сесть верхом, после чего все они снова двинулись в путь.

Взгляни: порвалась золотая нить,

Что должна была любящих соединить

Вместе на вечные времена.

Высохло море счастья до дна

На дверце клетки сломан затвор,

И пленник вырвался на простор!

Если вам интересно узнать, как продолжали свой путь наши герои, обратитесь к следующим главам.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/288639>